

Свидетельство о последних днях жизни прелата Будкевича (с 3 по 31 марта 1923

г.)

Перевод

Протокол, составленный священниками: Подем [так в оригинале – следует читать Павлом] Ходневичем, Люсьеном [так в оригинале – следует читать Люцианом] Хвещко, Леонидом Федоровым, Пьером [так в оригинале – следует читать Петром] Януковичем, Эдуардом Юневичем, Домиником Ивановым, Антуаном [так в оригинале – следует читать Антонием] Малецким, Теофилом Матулянисом, Августинном Пронкетисом, Франсуа [так в оригинале – следует читать Франциском] Рутковским, Жаном [так в оригинале – следует читать Иваном] Тройго и Антуаном [так в оригинале – следует читать Антонием] Василевским, которые предстали перед судом и содержались в тюрьме вместе с прелатом Константином Будкевичем, настоятелем прихода Святой Екатерины в Петербурге, в последние дни его жизни, с воскресенья 3 марта до субботы Страстной седмицы, 31 марта 1923 года.

В субботу, около 2 часов пополудни, сотрудник полиции доставил на квартиру Монс[еньора] Будкевича в Петербурге письменную судебную повестку, адресованную ему и викарию церкви Св. Екатерины г-ну Ходневичу, где им предписывалось немедленно отправиться в Москву и предстать перед Верховным трибуналом. С момента получения повестки и до отъезда, состоявшегося на следующий день, в воскресенье 4 марта, в 7 часов вечера, Монс. Будкевич собирался в дорогу и занимался текущими делами прихода с присущими ему спокойствием, тактом и сдержанностью. В тот же вечер 3 марта он исповедался. На следующий день, в третье воскресенье поста, он отслужил святую мессу в трапезной священника, где после закрытия всех церквей государственными властями была оборудована часовня. После обедни, отслуженной священником Ходневичем в полдень, Монс. Будкевич выступил со своей последней проповедью на евангельскую тему дня. После проповеди он объяснил, что почти все священники Петербурга с Архиепископом во главе вызваны в Москву, в Верховный трибунал, и они уезжают в тот же вечер. Чтобы успокоить прихожан, он выразил надежду, что в скором времени все они вернуться, и призвал их молиться за обвиняемых, сохранять безмятежность и спокойствие, и полностью верить Божественному Провидению. Слова Монс. Будкевича и вся его манера держаться говорили о его твердой убежденности: спокойное и объективное объяснение перед Верховным трибуналом позволит доказать, что католическое духовенство с самого начала стремилось лишь найти возможность приспособить канонические предписания к требованиям и законам светских властей, и Верховный трибунал признает полную необоснованность обвинений, выдвинутых против духовенства, а власти Российской Республики выработают модус вивенди с Католической церковью в России, и все священники смогут вернуться на свои места службы. Справедливости ради следует отметить, что Монс. Будкевич не исключал возможности высылки Архиепископа Цепляка и, возможно, еще нескольких священников за пределы России, и именно это считал максимально возможным «наказанием», но никогда не предполагал, что процесс будет до такой степени неприкрыто проводиться на основе предвзятой и нечестной идеи, чтобы обеспечить возможность вынести суровый и явно несправедливый приговор. В 6 часов вечера 4 марта Монс. Будкевич покинул свою квартиру и отправился на вокзал. Поскольку надо было спешить, Монс. Будкевич и священник Ходневич взяли извозчика, но экипаж тут же окружили прихожане, которые хотели попрощаться со своими духовными пастырями и выразить им свою привязанность. Монс. Будкевич поговорил с ними спокойно, мягко, искренне и по-отечески, и благословил их. По пути на вокзал он сказал священнику Ходневичу, что подобные проводы ему не нравятся и такое поведение кажется чересчур демонстративным; однако на деле это были лишь естественные проявления привязанности верующих к своему пастырю и искреннего сочувствия. Площадь Революции, бывшая Знаменская, а также здание вокзала и перрон были забиты людьми, так что добраться до

вагона было непросто; в 7 вечера московский поезд тронулся, унося Архиепископа Цепляка и 15 священников, вызванных в Верховный трибунал. В купе третьего класса Монс. Будкевич находился в компании священника Ходневича. Во время поездки он был неразговорчив, и ни разу не упомянул о предстоящем процессе. В Москве он вместе с Ходневичем отправился на извозчике к настоятелю Храма Святых Петра и Павла. По пути речь зашла о том, что на вокзале их никто не встретил, но Будкевич заметил, что это, возможно, даже к лучшему, поскольку сердечная встреча могла бы вызвать раздражение у советских властей и плохо повлиять на ход дела. В течение нескольких дней их пребывания в храме Святых Петра и Павла Монс. Будкевич проживал вместе с адвокатом Казимиром Домашевским, приехавшим из Петербурга, и совещался с ним относительно своей защиты в трибунале. Со дня нашего приезда, 5 марта, и до дня нашего ареста, 10 марта, Монс. Будкевич ежедневно служил святую мессу в церкви Святых Петра и Павла; когда мы все собирались за столом, он неизменно был спокоен, а порой даже весел; однако было очевидно, что все его мысли сосредоточены на процессе, который он желал обернуть на пользу Церкви, пусть даже при этом ему или кому-то еще придется пострадать. Интересы Церкви в его умонастроении безусловно преобладали над всем остальным. В субботу 10-го около 6 часов пополудни нас арестовали. Как и все мы, Монс. Будкевич взял с собой лишь самый минимум вещей и спокойно сел вместе со всеми нами в грузовой автомобиль, на котором нас под конвоем охранников доставили во дворец Верховного трибунала, где мы находились все воскресенье и понедельник до обеда, после чего нас - 14 священников и Монс. Архиепископа, а также одного мирянина по имени Жак [так в оригинале – Яков (?)] Чарнас – перевели в Бутырскую тюрьму, где нас разместили в 13-м коридоре в камере № 56 вместе с еще 9 гражданскими заключенными. Все это время, с момента ареста и до 31 марта, когда Монс. Будкевича поместили в отдельную камеру, он был как всегда спокоен и серьезен, возможно чуть более задумчив, чем обычно; каждый день он произносил молитвы из требника, а в свободное время читал книги, газеты и ежедневно, даже в день своей гибели, делал гимнастику.

Судебный процесс в Трибунале начался 21 марта и продолжался до 25-го включительно. В один из этих дней Монс. Будкевич исповедался у одного из нас, своих сокамерников. В течение всего процесса поведение Монс. Будкевича отличалось серьезностью, спокойствием и истинно христианским достоинством, что было особенно заметно в обстановке оскорблений, постоянных издевательств прокурора [нечитаемое слово – над (?)] людьми и особенно самыми священными вещами, религиозными догмами и принципами, которые исповедывали и отстаивали подсудимые. Каждый человек в этих условиях был бы склонен выразить свое отвращение к глумлению над самыми святыми вероубеждениями и религиозными чувствами. Однако Монс. Будкевич отстаивал свои убеждения с удивительным спокойствием и достоинством, и парировал бросаемые ему в лицо поношения и унижительные замечания с истинно христианской любовью даже по отношению к врагам. И этот долг любви, что обязан соблюдать любой христианин, и особенно священник, он подчеркнул в одном из своих ответов и в своем последнем слове. На вопрос прокурора Крыленко, какой характер носили беседы у Архиепископа (Роппа) [фамилия позднее вычеркнута], Монс. Будкевич ответил, что декрет об отделении Церкви от Государства нуждался в прояснении многих вопросов с точки зрения канонического права, и поэтому вполне естественно, что священники в сомнительных случаях обращались за разъяснениями к своему главе; обвинение против петроградского духовенства в организации антиправительственных акций и создании политической организации ни на чем не основано, так как даже само каноническое право запрещает священникам вести антигосударственную деятельность. Он, как и все его соответчики, защищал только права Церкви и Веры. Кроме того, Монс. Будкевич указал на международный характер Католической церкви, из чего для католиков вытекает обязанность признавать авторитет и компетенцию Главы Церкви во всех вопросах, касающихся Церкви и Веры, хотя этот Верховный Глава находится за пределами того или иного государства.

В ходе этого допроса Монс. Будкевич, изрядно уставший и не настолько хорошо владеющий русским языком, чтобы быстро реагировать на все тонкости нападок, и к тому же будучи человеком флегматичным от природы, давал ответы, которые могли показаться уклончивыми, как будто он не хотел отвечать четко и однозначно. Однако в своем последнем слове он четко и недвусмысленно изложил свою точку зрения на весь процесс. Он заявил, что обвинителем в его яростных нападках движет чувство ненависти, вполне понятное со стороны революционера, в психологии которого преобладает возмущение против своих угнетателей; он и сам нередко разделял это чувство протеста, когда речь шла о проявлениях социальной несправедливости в России. Он понимает также, почему представители революционеров предполагают наличие у своих врагов, которыми они считают обвиняемых, такого же чувства ненависти по отношению к ним самим.

Хотя прокурор слушал речь Будкевича с иронической ухмылкой, тот спокойно продолжал, отметив, что представители католического духовенства не знают и не могут знать и нести в своем сердце чувство ненависти, поскольку они воспитаны в чувстве христианской любви к ближнему, даже если этот ближний является их самым жестоким гонителем. В обвинительном заключении говорится о том, что священники вели политическую борьбу с государством. Но никакой борьбы не было, была лишь самозащита, защита прав Церкви. Духовенство не имеет права вести политическую борьбу. Католическая Церковь стоит над всеми партиями. Церковь умеет проводить различие между партиями и Государством. Церковь не может оставаться безразличной к лозунгам, призывающим бороться против христианской веры, подрывая тем самым все основы человеческого общества, но она судит о коммунизме только с религиозной точки зрения. В этом отношении обвиняемые защищали не столько самих себя, сколько свои религиозные убеждения. Аналогичным образом, священнослужители не имеют права вести классовую борьбу. Когда обвинитель выкрикнул «У вас была голова на плечах, когда вы делали (то, в чем нас ложно обвинял прокурор)?», Монс. Будкевич ответил, что если бы он и вправду начал политическую борьбу против советской власти, у него действительно не было бы головы на плечах. Лейтмотивом всего последнего слова Будкевича была мысль о том, что он хотел найти выход из шоковой ситуации, вызванной противоречием между законами Церкви и требованиями государственной власти. Свой смертный приговор Монс. Будкевич выслушал спокойно; затем по совету адвокатов он подписал прошение о помиловании – подписал, как он позднее объяснял, вопреки своему желанию и даже не прочитав.

Те несколько дней, что отделяли 25 марта от его перевода в отдельную камеру, Монс. Будкевич провел так, как будто с ним лично не произошло ничего необычного. 30 марта, в Великую пятницу, его товарищи по заключению прочли в газетах, что Архиепископ помилован, а смертный приговор в отношении Монс. Будкевича оставлен в силе. В этот момент Монс. Будкевича в камере не было; когда он вернулся, ему поначалу об этом не сказали, но через какое-то время сообщили о случившемся и показали газету. Тогда он спокойно заметил, что незачем было скрывать от него это решение, так как он был готов к любому развитию событий. Когда прелат Малецкий по поручению Архиепископа сказал ему в частной и конфиденциальной беседе, что ему следует готовиться к возможной смерти, он с полным спокойствием ответил, что готов ко всему, что мало кто на свете его понимает, и лишь Господь видит его жертву, принесенную за все эти грехи. Когда он со слезами на глазах произнес эти последние слова, мы все почувствовали, что он однозначно и всецело предался в руки Божьи и подчинился Божьей воле. В Великую субботу примерно в 10 часов утра его вывели из нашей комнаты и перевели в камеру № 42. Он с полным спокойствием попрощался с нами, вероятно понимая, что больше нас не увидит. В тот же вечер он отправил нам обратно русскую книгу, которую взял с собой, и в ней написал, что он один в камере 42, и что она чистая и теплая. Несколько русских заключенных-раскольников, которые содержались в нашей комнате и все это время видели Монс. Будкевича, с большим восхищением отзывались о его невозмутимом спокойствии, и говорили, что он – счастливый человек, поскольку страдает и погибает за благое дело. Один заключенный,

чья камера располагалась в том же коридоре, что и камера № 42, рассказал одному из нас, что в воскресенье 31 марта Монс. Будкевич принял ванну, выпил чаю, и примерно в 11:30 вечера явились два человека, приказали ему собрать вещи и отвели к автомобилю, ожидавшему во дворе. Монс. Будкевич сказал этим людям, что они не оставляют его в покое даже ночью, он был совершенно спокоен, в коридоре подарил сигару заключенному, который нам все это рассказал, и пошел к автомобилю. Согласно сообщениям в газетах, он был казнен в ночь с 31 марта на 1 апреля – в Пасхальную ночь.

В заключение мы считаем необходимым добавить следующее: Судебное постановление, принятое в Москве между 24 и 25 числами марта месяца 1923 года, результатом которого стали приговоры всем обвиняемым и гибель Монс. Будкевича, было не более чем актом фанатичной ярости, ненависти к Христу и его Церкви, и актом мести тем, кто, невзирая на физическое насилие и [в оригинале пропущено слово] врагов, пожелал остаться верным Христу и защищал права Церкви и вверенных им душ. Именно так воспринимали суть этого процесса все обвиняемые, в том числе Монс. Будкевич. Ненависть к Христу и его Церкви особенно ярко проявилась в ходе судебного процесса в ужасных и святотатственных нападках, которые беспрепятственно предпринимал обвинитель, даже не скрывая своей ненависти к Католической церкви.

Данный протокол не подписали Архиепископ Жан [так в оригинале – следует Ян] Цепляк, поскольку он отбывает заключение в другой тюрьме, а именно в Бутырках, и священник Станислав Эйсмонт, который вскоре сошел с ума.

Антуан [так в оригинале – следует читать Антоний] Малецкий, прелат капитула Могилевской архиепархии.

Леонид Федоров, экзарх Русской Католической церкви.

Антуан [так в оригинале – следует читать Антоний] Василевский, почетный каноник Могилевской архиепархии.

Пьер [так в оригинале – следует читать Петр] Янукович, настоятель церкви Св. Франциска в Лесном (Петроград).

Эдуард Юневич, исполняющий обязанности настоятеля костела Св. Станислава в Петрограде.

Люсьен [так в оригинале – следует читать Люциан] Хвецко, исполняющий обязанности администратора Прокафедрального храма.

Августин Пронкетис, викарий прокафедрального храма.

Поль [так в оригинале – следует читать Павел] Ходневич, профессор Петроградской семинарии.

Д. Иванов, вице-секретарь управления Могилевской Архиепархии.

Фр. Рутковский, капеллан часовни за Московскими воротами в Петрограде и исполняющий обязанности приходского священника в Колпино.

И. Тройго, секретарь управления Могилевской Архиепархии.

П. Зелинский, Декан Московский.

Сокольнический исправительный дом в Москве, 16 июля 1923 г.

Перевод сделан 5 августа 1923 г. в Варшаве. Перевод соответствует оригиналу.

[Надпись от руки: Эдуард де [так в оригинале – следует читать фон] Ропп, Архиепископ-митрополит Могилевский]

AA.EE.SS. Russia. IV. Pos. 648. Fasc. 33. F. 52r-53v. Франц. яз.